

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Светиль Художественного Театра
12 октября 1910 г.

Еще в 1907 г. К. С. Станиславский сказал: «Нельзя без Достоевского. Не знаю как, но мы должны, и будем ставить „Достоевского“».

Осуществителем замысла явился Вл. И. Немирович-Данченко, инсценировавший «Братьев Карамазовых».

«Достоевский, писал В. И. Немирович-Данченко, сыграл в Х. Т. решающее значение, в той эволюции, которую пережил театр, освобождаясь от декаденщины, и которая приблизила актера, освободив его от штампованных приемов игры, к простому глубокому и правдивому искусству игры, лишённому всего манерного и декламационного».

Принцип постановки: стремление к упрощённой форме, вполне жизненной во внешних очертаниях, вскрыть глубинную стихию Достоевского, явить отточенный, до символа образ в реальной оболочке.

Иван Карамазов — В. И. Бачалов.

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ.

ТЮЛЬПАН НА КАМЕРГЕРСКОЙ.

За все 25 лет существования своего—МХТ не поставил ни одной почти пьесы, которая кончалась бы «благополучно». За все 25 лет существования своего МХТ не поставил ни одной почти плохой пьесы. И за все 25 лет существования своего МХТ не был ни на один день, ни на один час—театром.

Были чем угодно—но .. не театром.

Когда я думаю об МХТ, меня не интересуют вопросы о сценическом реализме, натурализме или символизме, о диктатуре режиссера, о роли сценической декорации, об условном методе постановки. Это все вопросы для людей театра, для театраль-ных спецов. Меня интересует только одна область вопросов: какие пьесы ставил МХТ, почему именно такие то, а не другие, чем руководствовался в составлении репертуара.

Не трудно ответить на эти вопросы для каждого, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей МХТ.

Он руководился большим, строгим и трудным заветом: театр это не место для развлечения. Кто ищет развлечения пусть не идет в МХТ. Или, как говорил Станиславский в

1907 году, «театр не хочет больше забавлять публику, под видом развлечения—у него более важные дела»...

Завет был выполнен. С головокружительным успехом. На сто пропентов. Ибо ни один друг МХТ не скажет, что в этот театр ходили, чтоб забавляться, развлекается...

А если так—а это так—то понятно, что на сцене МХТ шли только хорошие пьесы, пьесы, которые не кончались благополучно: ибо развлекают - то и забавляют публику как раз те пьесы, которые кончаются благополучно, ну свадьбой, что ли примирением врагов... Шекспир, а не Виктор Крылов, трагедия «Бранд», а не водевиль «Аз и Ферт»...

Жизнь—страшная штука, пьеса странная. Но одно можно сказать. Она, пьеса эта, написана и поставлена так, что совсем не забавляет, отнюдь не развлекает, если не считать эпизодических, переходящих случайных сцен, комических пассажей и трагедии.

А между тем—смеяться человеку нужно—ничего не поделаешь—нужно: воля к смеху такую же властную роль играет в человеческой психике, как и воля к продолжению рода, воля к борьбе.

Так можно ли удивляться, что стремлением влажной нормально развивающейся человеческой

ПЕР ГЮНТ.

Спектакль Художественного Театра: 9 октября 1912

Скорее неудача, чем победа, несмотря на замечательное исполнение роли Л. Леонидовым.

группы было: выделить из этой самой не развлекающей и не забавляющей пьесы — вот эти самые забавляющие и развлекающие сцены и комические пассажи, сделать их из переходящих, случайных и эпизодических — постоянными, шпехами самостоятельное и дилетанское бытие?

И еще одно.

Воля и оптимизму, любовь к благополучию сопутствуют воле к смеху. Только тогда развлечения и забава целостны и достигают цели, когда они проникнуты оптимистической моралью. Тут опять таки естественное стремление дать корректив к жизни. И он дает его — зрелищем торжествующей добродетели и названного порядка.

Разговоры о том — весьма глубокомысленные и ученые, впрочем, разговоры, что театр возник из элевзинских и всяких других мистерий, — пора уже оставить. Говорят, что вот тоже пар — китайцы изобрели. Может быть и изобрели. Но когда мы говорим о паре, как о социальном факторе, то о китайцах мы не говорим, мы правда-ли...

Тек вот, когда мы говорим о театре, как о социальном факторе, о предмете массового погребения — совсем не нужно, право, кур-

ной тон — говорить об элевзинских мистериях, Апполоне и Дионисе. Ни к чему. А книга Ницше — нужно это запомнить, называется не «происхождение театра», а «происхождение трагедии». Когда мы хотим ознакомиться с картой звездного неба, нам совершенно не зачем изучать теософско-астрологическую литературу — не правда ли.

Реализация массового стремления к оптимистическому развлечению, к благополучной забаве — вот это и есть театр. Пути реализации этого стремления и есть пути театра.

И все наше благородное возмущение — не в силах поколебать того неизбежного факта, что для большинства людей белой расы — театр это только (какое громадное — это «только») развлечение и забава, что в театрах самых театральных городов мира — Лондона, Нью-Йорка и Парижа — идут только те пьесы, которые мы называем «плохими», но которые для потребителей их достаточно хороши — ибо они благополучно кончатся и смежат, ибо они удовлетворяют потребность в оптимизме и тягу к смеху.

Неприятный, унизительный для человеческого факт? Не знаю, не думаю. Но вот то, что человеку нужно есть, пить и отправлять естественные потребности — тоже некоторые считают унижающим человеческое достоинство фактом. Ничего не поделаешь.

25 лет в Москве на Камергерском существовал:

Храм настроений, музей переживаний, технику творчества, институт красоты.

Двадцать пять лет на Камергерском свершались мистерии для посвященных.

Двадцать пять лет возносились посвященные в горни страны, радостно страдали и перерождались душой.

Все это очень хорошо. Может быть единственно в мире. Честь ему и слава.

Но, в течении этих 25 лет не было на Камергерском — театра.

И если нужны для будущего — оранжереи и парники для орхидей, то нужен и МХТ.

Голландия в 17 веке была охвачена тюльпанной лихорадкой, помешательством на орхидеях.

В предреволюционной России 20-го века... нужно ли договаривать.

Но, нельзя не сказать, что на свете есть сейчас слишком много серьезных дел, чтобы серьезным делом был театр.

Однако, рвать цветы на полях будут всегда: оптимистическое развлечение — не дело, конечно.

МИХАИЛ ЛЕВИДОВ.